

ВЛАДИМИРСКИЕ СТРАНИЦЫ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА

Учительская газета. — 1991. — май (№ 20). — с. 12.

Тридцать лет назад Венедикт Ерофеев поступил во Владимирский пединститут, уже будучи дважды отчисленным — из Московского университета и Орехово-Зуевского пединститута.

Вот я и хочу рассказать о неизвестном (в России, по крайней мере) русском писателе Венедикте Васильевиче Ерофееве. О своем прочувствовании этого человека. А помогут мне его первая жена и сын. И еще поэма «Москва — Петушки».

УМЕР он в пятницу 11 мая 1990 года в Москве, в онкологическом центре на Каширке. За три дня до смерти, в самый конец Дня Победы, жене писателя Галине Павловне и сыну от первого брака Венедикту, круглые сутки дежурившим у постели больного, предложили забрать Венедикта Васильевича домой. Мотивировалось предложение очаровательно просто — все равно, мол, где умирать. Ведь с наступлением праздника большинство из персонала будет на отдыхе.

Но что значит перевозить смертельно больного из клиники домой? Сократить и те опущенные ему немногие часы...

Как всегда, дело решили деньги. Три последних дня земной жизни стоили Венедикту Ерофееву дорого — в советских рублях. Три мучительных дня, но — жизни. Вся жизнь его состояла из Страдания, но он любил ее, потому что она была жизнью.

«...С тех пор, как помню себя, я только и делаю, что симулирую душевное здоровье, каждый миг, и на это расходу все (без остатка) и умственные, и физические, и какие угодно силы... Я не утверждаю, что мне — теперь истина уже известна или что я вплотную к ней подошел. Все нет. Но я уже на такое

«А там, за Петушками, где сливается небо и земля, волчица воет на звезды...» («Москва — Петушки») лежит древнее село Караваево. А в нем на берегу Пекши-реки церковь, вся в крови запекшейся столько лет уже муки терпит. А возле церкви склеп фамильный графов Голицыных, вскрытый и оскверненный, а с колокольни церковной, с крестом покосившимся, такой вид на окрестности открывается, что дух захватывает от красоты поднебесной. И кажется, что там, за дальним окошем, уже и край всего. А неподалеку от церкви живут люди добрые, а к тем добрым людям я в гости пожаловал.

Живут в Караваево первая жена Венедикта Ерофеева Валентина Васильевна Аниканова и его сын Венедикт.

О СЕБЕ Венедикт Васильевич писал в «Краткой автобиографии»: «Родился 24 октября 1938 года. Впервые в жизни пересек Полярный круг (с севера на юг, разумеется), когда по окончании средней школы с отличием поехал в столицу ради поступления в Московский университет. Поступил, но через полтора года был отчислен из-за нехождения на занятия по военной подготовке. С тех пор работал в разных качествах... грузчиком (Коломна), подсобником каменщика

в 1976 году, когда стало совсем невмоготу. Решил ехать, но только с сыном. А сына в тот свой приезд не нашел — бабушка за печкой скоронила Венечку. И нигде не поехал.

А книга его читаема везде. А Петушки, город, «где не умолкают птицы ни днем, ни ночью, где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин», стали знамениты, как колумбийское селение Макоңдо, история которого запечатлена Маркесом. Впрочем, как и деревни, что лежат в окрестностях Петушков:

«Елисейково было повержено, Черкасово валялось у нас в ногах, Неугодово и Пекша молили о пощаде. Все жизненные центры Петушинского уезда — от магазина в Поломах до андреевского склада сельпо — все занято было силами восставших».

ВО ВЛАДИМИРСКОМ пединституте Венедикт Ерофеев отличался великолепным знанием Достоевского. В то время он написал несколько статей о норвежцах (одну о Гамсуне, одну о Бьернсоне, две о поздних драмах Ибсена). Все они были отвергнуты редакцией «Ученых записок Владимирского государственного педагогического института» как «ужасающие в методологическом отношении».

В пединституте Ерофеев участвует во всех литературных кружках. А затем создает свой кружок, где читает друзьям лекции по истории христианства, знакомит с идеями русских философов Николая Бердяева и Василия Розанова. О кружке дознались в институте, и не только... В конце первого курса личность студента Ерофеева серьезно заинтересовали «соответствующие органы».

— Когда Веня поступил в институт, я училась на третьем курсе, — вспоминает первая жена писателя Валентина Васильевна. — Его кружок действовал подпольно... Я тоже была его участницей. ...Его не однажды вызывали «на ковер» к ректору, предупреждали о возможности исключения «за антисоветские взгляды». Когда стало известно о наших взаимоотношениях, начались гонения и на меня. ...Прошел слух о будто бы намечающемся нашем венчании в церкви. ...Кончилось тем, что меня взяли «под стражу» члены комитета комсомола, и я три дня жила у декана факультета, где меня всячески уговаривали порвать с Ерофеевым... И я вынуждена была дать обещание — не встречаться с Веней. Но, конечно, мы все равно встречались. Вскоре Веню отчислили и приказали в 24 часа покинуть город. Но он устроился истопником в кочеварку и по-прежнему руководил кружком. Уехать из Владимира все же пришлось. Он поступил в Коломенский пединститут... Но где-то через полгода его исключили.

...Он написал работу о христианстве «Благая весть», эссе о Василии Розанове. Почти ежедневно записывал свои мысли и впечатления. К сожалению, только немногие из его записных книжек сохранились.

— Он очень любил Россию, — говорит Валентина Васильевна, — и многое понимал уже тогда. Я до сих пор удивляюсь, как его миновала та горькая чаша, испытать из которой пришлось каждому, кто прозрел. И на Лубянку его вызывали, и негласные обыски проводили в его комнате с видом на Кремль. Но не посадили...

По окончании пединститута Валентина Васильевна вернулась в Петушинский район, где в деревне Мышлино жила ее мать. Двадцать лет преподавала в Караваевской восьмилетке русский и немецкий языки, литературу.

Здание школы — двухэтажное, кирпичное. Построено купцами братьями Крашенинниковыми где-то около 1830 года, когда Караваево было многолюдным торговым селом. В селе тихо, очень тихо, особенно зимой, а в школе всего 21 ученик. О болезни отца Венедикт-младший узнал из письма матери, когда служил в армии. Вернулся в 1988-м, очень сблизился с отцом за период его болезни. Часто бывал у отца в Москве. На его руках он и умер.

«Когда тебя нет, мальчик, я совсем одинок... Ты понимаешь?.. Ты бегал в лесу этим летом, да?.. И, наверное, помнишь, какие там сосны?.. Вот и я, как сосна... Она такая длинная-длинная и одинокая-одинокая, вот и я тоже... Она, как я, смотрит только в небо, а что у нее под ногами, не видит и видеть не хочет. Она такая зе-

леная и вечно будет зеленая, пока не рухнет... Вот и я, пока не рухну, вечно буду зеленым...» («Москва — Петушки»).

— ИЗ ДЕТСТВА очень запомнился один эпизод, — рассказывает сын писателя, — мы еще в Мышлине жили. Отец приехал неожиданно, и я, наверное, больше никогда не видел его таким счастливым. Весь он как бы излучал счастье... И стал разворачивать что-то, завернутое в старые газеты. Это была книга «Москва — Петушки», изданная во Франции...

Я прочитал повесть, когда учился в 9-м классе Петушинской школы-интерната. Кто-то из учителей принес машинописный экземпляр. В связи с отцом и у меня были серьезные осложнения. Чуть из школы не выгнали.

Каким я его помню? Очень ранимым, даже стеснительным. Никогда не ставил себя выше кого-то... Он говорил не раз: «Загляни в чужую душу, пусть там грязь одна, смотри, что и не плой»... Изменила ли его болезнь? Нет, хотя... Он стал очень сентиментален. На подоконнике выращивал цветы, и когда появлялся каждый новый листик, отмечал это событие в своем блокноте.

— В последние годы, — вспоминает далее Ерофеев-младший, — он уже не мог разговаривать... Из Франции привезли специальный прибор, который несколько усиливал тембр голоса. Но его шепот разбирала только жена. Со мной он общался при помощи блокнота. В 1986 году из Сорбонны пришло приглашение на операцию. Но отца из страны не выпустили, хотя за него просили многие из очень известных людей.

В начале шестидесятых писатель познакомился с Беллой Ахмадулиной. Дружба с ней продолжалась до его последнего дня. Близкими людьми Венедикта Ерофеева были Генрих Сапгир, Борис Заходер, Вадим Делоне. На сороковой день друзья устроили поминки в электричке, следующей из Москвы в Петушки. День памяти талантливого писателя они решили сделать традиционным. В Москве два автобуса, два троллейбуса и два трамвая в память о нем выходят на линии с надписью «Москва — Петушки».

— Отпевали отца в Донском монастыре, — рассказывает сын, — похоронили на Новокунцевском кладбище. Англичане сняли об этом документальный фильм. Я смотрел один раз, больше не могу — очень тяжело...

Из высказывания Беллы Ахмадулиной:

— Так не живут, не говорят, не пишут. Так может только он один — Венедикт Ерофеев. Это лишь его жизнь, равная стилю, его речь всегда собственная, его талант. Какое счастье, что талант! Какая тоска — отчетливо знать, что должен претерпеть его счастливый обладатель... «Входите узкими вратами, ибо широки врата и удобен путь, ведущий к погибели, но узки врата и труден путь, ведущий к Жизни, и не многие выбирают его». (Евангелие от Матфея).

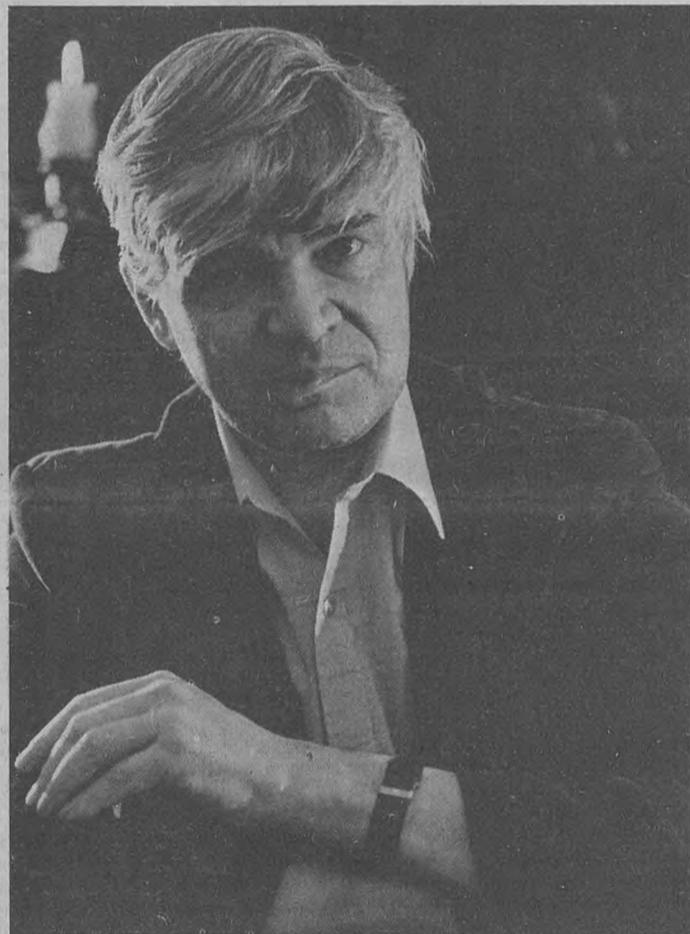
Не важно, при каком общественном строе живет человек, считал Бердяев, не важен и сам строй, важен сам человек. Самоценен Венедикт Ерофеев. Многие поняли из русских философов еще в юности. И избрал для себя узкие врата и тернистый путь, и не сворачивал с него, и прошел его. Его повесть в зарубежных изданиях редко сохраняла авторское название. В Голландии переименовали «Москва — Петушки» в «Исповедь русского алкоголика». А ведь его поэма — это «Исповедь души, страданиями истерзанной»...

И ее автор так и жил с обнаженной душой, с «нервами на выпуск», верил в «искупительность страдания», искал не благополучие, а Истину. Из многих выстрадавших своих истин и складывается то же Знание, для постижения которого нам и дана жизнь. Постигание это мучительно и сладко. Оно — двигатель всего.

Недавно в Стокгольме вышла книга-диссертация канадской ученой дамы, в которой раскрываются связь повести Ерофеева с Библией. А Василий Розанов назвал Библию «сердцем всемирной истории, ее неизъяснимым теплом».

«Не будите спящего, проснувшегося — накормите». «Москва — Петушки» — для тех, кто проснулся.

Александр ФУРСОВ.
Петушки — Караваево — Владимир.

расстояние к ней подошел, с которого ее удобнее всего рассмотреть. И я смотрю, и вижу, и поэтому скорбю». («Москва — Петушки»).

— Где-то за два месяца до смерти это произошло, — вспоминает сын. — Болезнь наступала. Метастазы пошли на желудок и печень. Боли были мучительные. Как-то отец очнулся от забытья, привстал на постели, сорвал распятие, которое висело над его кроватью, размахнулся что было сил и бросил его в противоположную стену, крикнув: «Мне больнее, чем Ему!»

...Только через самопознание можно научиться человеку. Богоискателей, то есть в себе себя ищущих, мало. Но в России они всегда были, ищущие, на доброй почве российской возрастали. Каждый из них уже подошел к истине, «на расстояние», по словам Ерофеева, «с которого ее удобнее всегда рассмотреть». Следующие за ними пошли бы дальше. Но — идти им не дали. А те, кто все-таки пытался, погибли. Погиб и Венедикт Ерофеев; его физическая смерть была предопределена условиями его жизни в обществе, которого он принять и понять не мог, ибо оно было бесчеловечно. Но он принял и прошел все круги ада в поисках себя, и обрел в себе Бога.

«Через муки на Курском вокзале, через очищение в Кучино, через грязь в Купанье — к свету в Петушках». («Москва — Петушки»).

«Они возили мне шило в самое горло». («Москва — Петушки»). И был свет. И была пятница. И те, которые на том берегу, осторожно выдернули гвозди и сняли его с креста.

(Москва), истопником-кочеваром (Орехово-Зуево)... в системе связи. С 1966 года — отец. Писать, по свидетельству матери, начал с пяти лет... Осенью 1969 года добрался до собственной манеры письма, и зимой 1970 года нахрапом соиздал «Москва — Петушки». Весной 1985 года появилась трагедия в пяти актах «Вальдургиева ночь, или Шаги командора». Начавшаяся летом этого же года болезнь (рак горла) надолго оттянула срок осуществления замысла двух других трагедий.

А в 1979 году необычную для шаблонного редакторского уха повесть нелегально напечатали в небольшой типографии под Львовом. Это было первое издание произведения в родной стране. Теперь «Москва — Петушки» переведены более чем на двадцать языков мира.

О неизвестном в России русском писателе лучше всего рассказывает его сын Венедикт Ерофеев-младший:

— В Мышлине отец бывал часто — там мы прежде жили. В Караваево приезжал два раза. Второй — когда мне предстояло идти в армию. На прощание выпили. Один из мужиков подошел к отцу и стал укорять его за то, что оставил семью на произвол судьбы. Отец молча слушал и был грустен. И вдруг рассмеялся, так искренне, от души. А вызвала смех фраза: «Ребенок рос, и мать его растила». Рассмеялся и сказал опять-таки грустно: «Мужик, да ты поэт...»

Любил он эту страну поэтов, которая была для него одновременно и матерью, и мачехой. Имел несколько возможностей уехать на Запад. Но только раз попытал-